

ОЛЬГА БЕРГ

Суккуб Метаморфозы

НОВЕЛЛЫ

Ольга Берг

Суккуб Метаморфозы

«Издательские решения»

Берг О.

Суккуб Метаморфозы / О. Берг — «Издательские решения»,

Философские новеллы с мистическим сюжетом. Непостижимое и слишком человеческое, короткие рассказы о разных судьбах. Разные времена, но одни и те же вопросы, главный из которых о счастье.

© Берг О.

© Издательские решения

Суккуб Метаморфозы

НОВЕЛЛЫ

Ольга Берг

© Ольга Берг, 2015

© Полина Мартини, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муха билась об стекло в слепой горячке, надеясь проскочить на свободу. Меня терзала та же горячка, хотя мысленно я собиралась в монастырь. Фрейд, удерживаемый пальцами, мешал сложиться зыбкому мостику между окончательным «нет» и воротами Божьей обители. Он качнулся и пухло стукнулся об пол. Мост не стал плотным, муха заснула в липких тенетах и воцарилась оглушающая тишина. Тогда я перестала слышать удары своего сердца, я ощутила бездну, внешний мир растворился, и это было хорошо. Через некоторое время непроницаемый туман развеялся и передо мной простерся кусок другой жизни, манящий самоцветами фейерверков и звоном веселых голосов. Золотые кареты подкатывали к великолепному шато, а выхолненные лошади сверкали драгоценной упряжью. Народ, разодетый в шелка и перья спешил на праздник, искушенные, еще не пресытившиеся; жадное предвкушение в лицах, немного торопливые жесты; жеманные дамы с глазами акул, напудренные кавалеры, влюбленные друг в друга. Все можно, все нужно, все разрешено и любое ваше желание будет удовлетворено немедленно. Блестательная Антуанетта правит балом, правит голодной Францией, играет с судьбой. Потом закружилось все в быстром танце, сюжеты мелькавшие с бешеной скоростью вызывали тошноту и, споткнувшись о томик Фрейда я рванула к унитазу, забрызганная своим на этот раз кровавым и нелепым прошлым. Схватившись за шею я закрыла глаза. Все прекратилось, ее казнили – меня казнили, какая разница. Все жизни вповалку! Ужасно и такой холод в сердце после каждой казни, а их было пять, нет девять или больше, кажется семь раз застреливали и трижды рубили голову. Фу, какая мерзость! Предстать перед Петром с башкой в руках!

Я ощутила себя стоя на коленях, прилипнув щекой к холодной крышке унитаза. Так, до тошноты бывало редко, чаще просмотр оказывался долгим погружением и затягивался на несколько дней, а то и недель. Хорошо, если я находилась одна и далеко от дома, чтобы никто не отвлекал и никакие дела и просьбы не выбивали меня из приятного провисания в какой – нибудь из точек истории. Это состояние было наверное сродни наркотическому опьянению, только вместо того чтобы глотать и колоть всякую дрянь я просто могла уйти. Но чаще все получалось само собой, сознание просто затягивало в одну из жизней и я не сопротивлялась этой спонтанной силе, а откуда то из – под бессознательного появлялась лукавая радость, что мне так везет. Как хитро я отделяюсь от своих проблем, от всего, что давит, от ненужных раздражителей, которые разными голосами принимались жужжать с момента пробуждения и до самого сна, и от этих голосов возникает столько бессмысленной суеты, столько ненужных движений и нелепых мыслей, что голова начинает пухнуть от злости и усталости, которую приносит эта злость. Злость опустошала душу, забирала из тела силы и измученная я валилась на свой диван, чтобы заснуть или забыться новой или уже просмотренной историей.

– В твоей душе нет мира, ты никого не любишь, – сказал мне однажды солидный батюшка с солидным крестом. Он тоже был зол и я видела это в его глазах, он злился от бессилия, что не может оказать мне надлежащую помощь о которой просила моя верующая бабушка. Он что-то говорил мне, а я рассматривала его великолепный крест и прибрасывала в уме его примерную стоимость. И мне в этот момент было весело! По – настоящему весело от своей кошун-

ственной мысли и от того как она вплеталась в эту ситуацию. Не то, что бы я не верила в Бога, даже очень верила и может быть даже больше чем он, просто в его словах было слишком много медовой фальши. Но он не ясновидец, я любила и наверное слишком сильно, но страх мешал мне проявлять свою любовь, страх того, что меня отвергнут снова. Потом я шла домой по осенним улицам, но мысли уже покрывались черным цветом, и я знала, что дальше он зальет все сердце, затопит душу и снова начнется боль, которую всколыхнут воспоминания. Я уходила в Perfekt от неврозов, от ненависти к себе и своему телу, от неразделенной любви, от проблем больших и ежедневных, которые находились всегда. Но в глубине души сидел некто маленький, сильный и жестокий и тихим голосом говорил отвратительно правдивые вещи, всякий раз ввергавшие в депрессию еще более черную, чем обычно, а иной раз давал очень конкретные и простые ответы, на вопросы, которые мешали заснуть долгое время. Это от него я узнала истинную причину моих частых путешествий по прошлым жизням. «Ты слабое и никчемное существо, – говорил он. – И вокруг тебя холодная пустота и любишь ты пустоту, которая ничего не может дать кроме вечного холода, и сердце твое напитавшись эрзацем любви сворачивается и исходит желчью как и всякое живое существо, проглотившее едкую отраву, обернутую в симпатичный фантик. И сделать ты ничего не можешь, потому что нет сил, потому что их никто не дал, так кат еще во чреве тебе желали смерти. Как ты можешь переживать счастье при таком раскладе?» Он был тысячу раз прав, но как мучительно иногда слушать правду неподготовленным ушам...

Я затаивала дыхание, я вслушивалась в удвоенные удары своего сердца до тех пор, пока они не тонули в тишине, которая подступала постепенно отовсюду, пока не начиналось действие, просмотр. А со временем я научилась соединять два процесса, занимаясь какой — нибудь ежедневной работой можно было находиться на пороге между тем и этим миром, как в грезах наяву, но контролировать ситуацию мне удавалось до определенного момента. Десять лет я морочила голову своим близким, которые с некоторым подозрением глядели на мой часто затуманенный взор и меланхоличные движения. Десять лет я упивалась своим притворством, ведь мне так легко удалось обмануть свои неудачи, депрессии, неудовлетворенность собственной жизнью, это все просто перестало быть проблемой потому что за гранью времени был другой мир и он был доступен мне. Больше не нужно было искать ответ на извечный вопрос «Кто я», он отпал сам собой вместе с мучительной надобностью делать выбор каждый раз, когда дело касалось собственных желаний и возможностей, которые часто не совпадали. Больше не нужно было испытывать щемящую боль от неразделенных чувств, от бессильной и глупой надежды на «все будет хорошо». Там было хорошо, без чувств, без мыслей, без депрессивной агонии, просто наблюдать за теми жизнями, с несокрушимой волей и святым эгоизмом, который давал возможность делать то, чего требовала своенравная душа. Даже казни не внушали отвращения и страха, так как являлись достойным завершением полной драматизма истории, и привносили некую пафосную изюминку в мое то, совсем не святое бытие. И они были так красочны, эти жизни, так блистательно совершенны, словно гениальные пьесы Творца, от рождения до смерти наполненные великим смыслом. Так бы и длилось мое счастье, пока судьба не подставила мне подножку. Однажды я прокололась, я просто забыла свое имя, запуталась в профессиях, родственниках и эпохах и стала для всех просто сумасшедшей. Это и послужило толчком к выходу в реальный мир.

Действительность оказалась сильнее попытки убежать от нее и меня просто выпнули из снов. Вокруг все было до боли знакомым и другим, слегка подернутое туманом, сквозь который проступали контуры мертвых предметов, заношенных эмоций и искаженных непониманием лиц. Мир с напуганными родными, растерянными друзьями, мир, полный тревоги и жалкой возни был далек от моего сказочного забвения. И я широко раскрыв глаза наблюдала эту судорожную кутерьму вокруг, искривленные маски, ломанные жесты, сопровождающиеся театральными выкриками и понимала, что все это обращено ко мне, что эти маски и фигуры

говорят со мной, а в голосах их слышатся угрозы и нервный смех. Я попала опять все в ту же реальность из которой нет выхода и никогда не было. Круг замкнулся, мне пригрозили психиатром и я сдалась.

Мне было 26 и я оказалась в том же месте, с теми же роящимися в отчаянной лихорадке мыслями, но с кучей воспоминаний, которые не давали покоя. Ностальгия по прошлым жизням была мучительней рядовых депрессий. Там была истинная жизнь, яркая, полная, настоящая, пахнувшая свободой и кровью, а тут лишь растерянность и тяжесть взглядов, которые бросали зеркала. Все сначала, но уже больнее. Холодные сосульки на замерзшее лицо. Ватные руки, оцепеневшее тело и противный гул в голове. Я понимала, что в прошлое нет возврата, а эту жизнь нужно было как – то жить, продолжать эти банальные поиски своего пути. И я не знала, что мне делать. Дома я как никогда ощутила тяжесть тишины, одиночество проявлялось как пустота самой пустоты, в которой пребывала моя душа десять лет назад умершая для всего мира. Сейчас мне стало жаль своей жизни, она оказалась заполненной миражами, которые исчезли как мыльные пузыри, стоило мне только выйти в действительность. Я не хотела оставаться здесь, а бежать было некуда. Я сидела на диване и не чувствовала своего будущего, оно словно сжалось в точку, готовую взорваться в любой момент, чтобы склеиться уже в другом месте, в ином воплощении, недоступном моему восприятию, а может быть не склеиться никогда. Я заплакала.

В слезах таились сумерки дня, который кончился быстро. Я бродила по ночным улицам ненавистного мне города, а за мной тянулась моя жалкая тень. Не было слышно шагов в гулкой пустоте каменных тротуаров, а желтый свет фонарей отсвечивал тоской. Я вышла на городскую площадь, где застывшим цветком возвышался сломанный фонтан. Он давно высох и дно его устилали разбитые бутылки. Я села на бордюр, вперив взгляд в носки своих ботинок. Может я снюсь самой себе и все, что окружает меня, является частью игр моего или чьего – то еще бессознательного? Слой облачков, покрывший небо не давал пробиться ни одной звезде, только ночь, тишина и бродяжий свет фонарей – вот она картина моего мира, холодного и пустого, едва освещенного искусственным светом. Когда я подняла глаза, то даже не испугалась увидев черного человека. Он казался чернильной тенью, которая выделялась на фоне ночи, но глаза его удивительно блестели и в руке он держал белую лилию.

– Я нашел вас, – спокойно и уверенно сказал он. – Пойдемте.

Он протянул мне цветок.

Мы молча петляли по безумно длинной ночи пока не пришли к его дому. Среди черных, геометрически правильных форм зданий, слившихся в один монолит, маячил ярко – желтый квадратик окна его квартиры. Мы зашли в подъезд и поднялись на первый этаж. На зеленой двери, которую открывал черный человек красовался череп с костями и предупреждением «не влезай, убьет». Затем мы молча вступили в длинный коридор, стены которого были зловеще бордовые и из него хотелось быстрее проскочить туда, где горел свет. Черный человек снял длинное пальто и провел меня в комнату, залитую мягким светом желтой лампы. Здесь было необычайно уютно и странно, потому что комната была маленькой и квадратной с безумно высокими стенами, чем напомнила мне часовню. Я села на краешек кожаного кресла, и почувствовала неловкость от ощущения, что предметы рассматривают меня. «Впишусь ли я в эту обстановку?» – мелькнула странная мысль. Казалось, тут все было живым, воздух вибрировал, кресла и маленький дубовый столик насторожились, толстый ковер ежился и щетинился под ногами, продолговатый ящик часов вообще презрительно шипел на меня своими стрелками, и презрение его было более чем обосновано. Один шоколадного цвета диван излучал добродушное спокойствие и был не против моего присутствия. Вошел черный незнакомец с двумя дымящимися кружками, комнату постепенно заполнил кофейный аромат.

– Пересядь на диван, – сказал он, поставил кружки на столик и плюхнулся в кресло напротив.

– Меня зовут Сэм, – представился мавр.

Он снял черный пиджак и оказался в белой рубашке и галстук, но несмотря на его деловой костюм он не походил на человека который работает клерком или ведет свой бизнес. Он не походил на человека вообще. В его лице было что – то неуловимое, отрешенность первожденного смешивалась с вполне земными бесенятами, которые таились в глубине его блестящих глаз. К тому же в его глазах не было видно зрачков и этим они смахивали на две бездонные воронки.

Я представилась, мы продолжали молча прихлебывать из своих кружек. Кофе разливалось по телу приятным теплом и мне показалось, будто я отрезвела.

– У тебя здесь все в коричневых тонах, – глядя в кружку сказала я.

– Гармонирует с моим цветом кожи, – усмехнулся Сэм.

Опять повисла пауза.

– Когда тебе было интересно в последний раз? – в тишине его вопрос прозвучал неожиданно.

Я замялась и не смогла вспомнить какое – нибудь событие, которое бы по – настоящему меня затронуло. Он ждал ответа.

– Я не помню, – равнодушно ответила я и закрыла глаза, убаюканная чудесным напитком.

Сквозь ресницы я видела, что Сэм удивленно смотрит мне в лицо, будто ждет продолжения. Потом веки предательски сомкнулись, я тяжело вздохнула и поерзала, приятно проваливаясь в мягкий диван.

– Моя жизнь, это вереница снов. Я путешествовала по своим прошлым воплощениям, но так и не смогла остаться ни в одном из них. Поэтому моя жизнь это – пустота.

Я едва ворочала языком и мелькнула мысль, что мавр что – то подсыпал мне в кофе, потому что зверски хотелось спать, на веках повисли пудовые гири, а голова застыла в невесомости, безвольно откинувшись на мягкую спинку дивана.

– Но разве так было всегда, с самого твоего рождения? – его голос прозвучал у самого лица и эхом пронесся сквозь барабанные перепонки.

– Нет, – мне удалось произнести это с невероятным трудом.

Уже сквозь пелену сна было слышно, как Сэм громко приказывает мне не спать.

– Если уснешь, тебя затащит и я не смогу вытащить тебя оттуда! – крикнул он.

Мне было тогда все равно куда меня затащит, мне было до одури хорошо наблюдать изнутри себя, как сначала исчезают мысли и паровозиком дружно отъезжают чувства. Такому процессу божественного упокоения, позавидовали бы самые мертвые мертвецы! Это было сродни смерти Новалиса, только под аромат свежесваренного кофе. Божественная эвтаназия! Внезапно в эту гармонию смерти вмешался едкий запах мускуса. Я резко пришла в себя и закашлялась до слез. Сэм еще раз поднес мне к лицу белую лилию и я окончательно пробудилась. Горло перехватывало, и подняв слезящиеся глаза к потолку я поперхнулась еще раз увидев его пугающую черноту.

– Не смотри вверх! – скомандовал Сэм. – Там пустота, она притянет подобное.

Судорожно глотая, я выдавила, что не хочу быть пустотой.

– Но ты сама сказала это, – спокойно возразил Сэм.

– Я почувствовала, что моя жизнь пуста, – сказала я и ощутила странную вибрацию в теле.

– Почему? – спросил он.

– Потому что я проспала десять лет и больше не хочу жить во снах.

– Тогда чего же ты хочешь? – оживился Сэм.

– Я хочу жить свою жизнь!

– И ты знаешь точно как ты хочешь ее жить? – спросил он.

– Я не знаю кто я.

– Если не можешь уразуметь – почувствуй. Спроси свое сердце, что подскажет оно?

– Оно молчит.

– Неправда, – мягко сказал Сэм. – Просто ты боишься чего – то и боишься сильно.

Сэм после некоторых раздумий сказал, что нужен Вагнер, ибо он есть Тот Кто Находит и он без труда может найти ответ на мучивший меня вопрос, потому что он видит суть каждого существа на земле.

– Кто такой Вагнер? – спросила я.

– Он велик и ужасен, – ответил Сэм с лукавой улыбкой. – Однажды он помог мне найти мое желание и определить мою суть. Это очень важно, найти свое истинное желание, потому что оно определяет тебя; пожелав, ты сможешь ответить на вопрос «кто я?».

– Где же мне найти Вагнера? – в сердце всколыхнулась слабая надежда.

– Он должен прийти позже, – ответил мавр.

С минуту мы смотрели друг на друга и вдруг лицо его просияло.

– Тебе интересно! – воскликнул он, слегка хлопнув в ладоши.

Мне стало даже немного легче от его такой по – детски искренней радости.

– А как ты встретился с Вагнером? – спросила я и почему то широко улыбнулась.

– Он сам нашел меня, – ответил Сэм. – Мне было 18 лет, и в характере моем преобладали две черты: ревность и обжорство. Я был толстым ревнивым Сэмом! – рассмеялся он. – От меня сбежала девушка, и я был так зол на нее, что решил догнать и прикончить, и осуществил бы наверное свою затею, если б не лошадь, на которой я гнался за беглянкой. Делая прыжок через ручей, она запнулась, а я на полном скаку вылетел из седла. Помню, когда очнулся, то с ужасом понял, что не ощущаю свои ноги. Как потом сказал доктор, я здорово повредил позвоночник и вся нижняя часть тела умерла для меня. После этого я превратился в настоящее чудовище! Проклинаю весь мир и всех женщин, я тиранил близких, бессильно рыдал и грыз подушки, пока однажды во время очередного приступа ярости не перерезал себе вены. Чем бы ты думала? Тонкой цепочкой на которой висел амулет с портретом той самой девицы. Я лежал весь в крови, предметы расплывались и было очень холодно. Я закрыл глаза, а когда открыл то увидел Вагнера. Он стоял у окна моей спальни, тыкал в меня пальцем и его просто перегибало от смеха. Он хохотал как сумасшедший, моя ярость утихла и мне стало жаль себя. Потом он каждый день приходил и разговаривал со мной. Он говорил со мной восемь лет и прошло еще столько же, пока я не определил свое истинное желание.

– Каким же оно было? – хриплым шепотом спросила я, совсем подавшись вперед.

Сэм открыл было рот, но вдруг повернул голову и прислушался.

– Кто – то открывает дверь, – тихо сказал он.

Я напряглась внутренне, именно сейчас мне не хотелось чтобы этот кто – то вторгнулся в нашу уютную беседу и разорвав круг, нарушил зыбкое равновесие, которое только начало создаваться в душе. Я слышала как открылась дверь, как некто вошел тихонько напевая торжественную аппассионату. Шаги приближались, и вот он стал в проеме двери, слегка поднял светлые брови, увидев меня. Коротко поздоровавшись с Сэмом, он снова уставился на меня, затем взгляд его стал лукавым и тряхнув белокурыми кудрями он галантно поклонился.

– Фридрих, – представился он. – Ницше.

Я замерла, казалось, что мир вокруг меня пополз по швам. Стоявшее передо мной воплощение Зигфрида никак не вязалось с именем, которое он назвал. Мысли вдруг замерли, дыхание скрылось в глубине сердца. Он улыбнулся иронично и взглянул вверх.

– Ты еще не показал фройляйн наш итальянский потолок? – спросил он. – Да и темно тут у вас....

– Пожалуй пора, – со спокойной торжественностью произнес Сэм.

Фридрих нажал на выключатель, и задржав голову я наблюдала как медленно разъезжаются две бесконечно черные створки, открывая нежную лазурь тициановских небес.

Фридрих плюхнулся рядом на диван и кокетливо оглядел меня.

– Фройляйн к нам надолго? – спросил он глядя мне в глаза, затем взял меня за руку.
– Посмотрим, – лаконично ответил за меня Сэм.
– О чем ты просишь его? – спросил Фридрих, улыбнувшись одними губами.
– Ни о чем... мы просто разговаривали о Вагнере, – я немного смутилась.
– О Вагнере! – оживился он, но тут же сделал загадочный тон. – Ты хочешь быть другой, я прочитал это в твоём сердце.

Он попал в точку.

– Я хочу найти свое желание, – сказала я.
– И Сэм исполнит его, – патетически закончил Фридрих.
– Почему? – я совсем запуталась и растерялась.
– Потому что Сэм – Тот Кто Исполняет, такова его суть и таким было его истинное желание – исполнять желания, поэтому он счастлив и бессмертен.

Сначала я подумала, что Фридрих шутит, но его ярко – голубые глаза смотрели серьезно.

– Определивший свое истинное желание становится недостижимым для смерти, она просто отступает перед силой его сердца, – спокойно заметил Фридрих.

– Но как мне определить свое истинное желание? Если я хочу слишком многого, что из этого истинно?

Фридрих выпустил мою руку и хитро прищурился.

– Будем отталкиваться от противного – от страха. Ведь обычно и боишься того, что особенно желанно и тогда стремление к этому страху делает его еще совершеннее, а жизнь острее. И если намерение пройти сквозь плотные завесы страха слишком велико, становишься на дорогу и идешь, идешь не осторожничая, а сразу и быстро. По мере продвижения из души вытряхиваются все установки, мечты, страсти и прихоти, весь устаревший тяжелый хлам и потом появляется новое – пустота. В пустоте нечего бояться, там нет ничего, только бесцветный вакуум, оглашаемый мерными ударами твоего сердца. И когда сердце остановится, ты должна будешь услышать его голос, оно останавливается лишь на миг, чтобы сказать и пойти снова. Нужно быть очень чутким к голосу своего сердца, потому что дважды не воскресают. То, что однажды сердце сказало мне отозвалось великой болью в моем теле. Но я знал, что это мой путь и иного мне не нужно.

Лицо Фридриха стало серьезным и нестерпимо красивым от этой перемены. Лишь на мгновение опустилась на него болезненная тень, но он быстро стал прежним и продолжал уже в своем обычном тоне, но немного задумчиво рассуждать с самим собой.

– Выбор есть всегда. Хотя есть ли на самом деле этот выбор? Ведь голос сердца это по сути директива, высший приказ, противоречие которому ведет к кататонии души, к вечному аду. Тогда сесть голым задом на сковородку и смачно шипеть в собственном жиру посчастливится еще при жизни, – он усмехнулся саркастически и поправил свои волнистые пряди. – Тогда я выбрал страдания, которые даровали мне вечность. Сейчас я выбрал полную противоположность, потому что так решила душа, таково было желание Того Кто Сообщает это душе, и я понял, что сопротивление бессмысленно и милостью Божьей стал Игроком.

Хотя лицо его и выражало беспробудное счастье, нотки всколыхнувшегося прошлого едва, но звучали из его души. Я чувствовала, что та его суть – непризнанного скитальца, неприкаянного сверхчеловека, все равно оставила на его бессмертной душе толстый рубец, который уже давно не кровоточил, но при плохой погоде давал о себе знать, потому что когда-то пережитое душой не стирается ни временем, ни смертью, оно лишь затуманивается новым, но не исчезает никогда. Прошлые жизни как вечная татуировка, выжженное судьбой клеймо, которое прибудет с душой и ныне и во веки веков, пока она окончательно не волеется в святой Грааль и там смешавшись с остальными, дополнит букет напитка до более изысканного.

Плавное течение моих мыслей прервал ироничный голос Фридриха.

– Так чего же боится наша фройляйн? – спросил он и сцепил руки на животе, будто приготовился слушать увлекательное повествование о моих фобиях.

Я пожалала плечами. Сейчас я просто не осознавала своих страхов, мне было тепло и немного грустно.

– Ты могла бы станцевать сейчас? – после недолгой паузы спросил вдруг Фридрих.

Его вопрос выбил меня из потока спокойствия и плавно текущие мысли резко сбились в кучу. По спине поползли холодные мурашки, мне показалось, что я ослышалась.

– Ты смогла бы показать сейчас в танце свои чувства? Что ты чувствуешь: покой, смятение, грусть или нежную радость? Какие движения эти чувства пробудят в твоём теле?

Глаза его искрились восторгом от своей простой выдумки и от того, что он так точно смог вычислить этот страх, который поднялся из недр моего бессознательного и заполнил мозг изводящим жужжанием. Я тупо смотрела перед собой и только отразившиеся в полированном столике облака не давали мне оглохнуть окончательно.

– Я не умею танцевать, – буркнула я.

Фридрих улыбнулся и склонив по – птичьей голове смотрел на меня не мигая, а затем кивнул скучающему Сэму.

– Не обязательно быть великой танцовщицей, – сказал Сэм. – Просто слушай свое тело, а оно подскажет любые па, которым не научат тебя в балетных классах.

Несколько секунд царило напряженное молчание, а потом будто оправдываясь, я сбивчиво рассказывала о том, что умела танцевать, когда была маленькой и в голове прокручивались разные картинки из моего прошлого, которое я отбросила как ненужную и незатейливую историю моего детства. Меня всегда охватывало крошечное одиночество и скука, когда я вспоминала о нем и эта скука служила оправданием мне для самой себя в собственной несостоятельности и невозможности принять вызов, который мне бросала жизнь. Проще было уйти в Plusquamperfekt, а из него выпрыгнуть в невроз, и продолжать лелеять жалость к себе и ненавидеть собственную жизнь. Осознать себя вдруг как никчемное и слабое существо было очень болезненно и, подняв глаза к небесному потолку, я увидела маленькие ватные клочки, тихо плывущие по яркой лазури небес, будто небрежные мазки кисти маэстро, придавшие картине свободную легкость. Лазурь слепила глаза, выжигая из них крохотные колкие слезинки. Тихо шли часы, воздух плавно наполнялся ароматом сигары, которую раскуривал Сэм.

– Я слабый и никому не нужный ребенок, – едва выдавила я сквозь слезы.

Фридрих взял меня за руку и прижал к себе.

– Но мы тебя все равно любим, такую слабую и ненужную даже самой себе, – он сказал это с теплом и заботой, и я поверила его словам, и было легко плакать и также легко отпустить свою боль.

Вдруг он крепко прижал мою голову к груди и шепнул в ухо: «Слушай часы». Я слышала только мерное биение его сердца, а другим ухом старалась уловить тиканье. Наконец это удалось. Вдруг я поняла, что эти звуки совпали, но между ними вмешивался еще неровный бег моего сердца. Потом он выровнялся, оказавшись словно между двумя маятниками и меня испугало то, что случилось после резонанса. Мое сердце перестало быть моим, я слышала его звук не из себя, а откуда то сверху, и звук этот был довольно громким и пугающе властным. Я чувствовала, то, что являлось звуком было живым и имело разум, но отличный от просто человеческого. Это состояние невозможно было ни объяснить, ни понять, нечто, иное, тающее неизвестность черным плащом закрыло от меня весь прошлый опыт сознания. В голову будто ударил холодный порыв ветра, проникнув сквозь кости черепа, сковал мозг льдом, лицо замерзло и мне казалось, что я вся покрылась инеем и трясусь как в лихорадке. Я могла различать только слабое сияние ночника, да синеватые клубы сигарного дыма, которые заворачивались в причудливые спирали и эти спирали проникали в меня, пока Фридрих не закрыл

мне глаза крепко прижав к лицу ладонь. Я чувствовала, что больше не дышу, слышался только гулкий звук, который постепенно сжался в точку, а затем исчез совсем.

Я висела где – то в пустоте и это состояние было сродни положению мухи попавшей в кисель. Невозможно было крикнуть, потому что дыхание просто отсутствовало, невозможно было совершить хоть малейшее движение, потому что двигать стало нечем. Но самым жутким было то, что я могла осознавать происходящее и как мне казалось, могла видеть кромешную тьму, которая сплющила меня или растворила в этом могильном пространстве. Паника выростала из неизвестности, и пространство никак не реагировало на мои отчаянные попытки что – либо прояснить. Тогда ужас поглотил меня, я потеряла сознание.

Пробуждение как медленный выход в nirvanу. Сквозь дрему чудился аромат морских волн. Под рукой струился прохладный шелк и я не сразу поняла, что касаюсь своего платья, иссиня – черный подол которого струился с дивана блестящими волнами. Все казалось новым и странным, а мягкий звук больших часов успокаивал, облачка на далеком квадратике неба заигрывали друг с другом, веселый шепот двух необычных мужчин радовал, создавая вокруг почти семейную гармонию.

Сэм заметил, что я проснулась и кивнул Фридриху, который тотчас наполнил бокалы кроваво – красным вином. Он нагнулся, поцеловал меня в лоб и протянул бокал.

– Я выпью за твое непознанное желание! – игриво произнес он.

Вино было прохладным с терпковатым и сладким привкусом вишни. Потом Фридрих стал рассказывать нам истории из своей бурной жизни, мы смеялись и милая безмятежность вливалась в мою душу. Я не хотела ничего, я была счастлива и сердце переполненное радостью, выливалось ее теплым смехом, но некий таинственный голос из глубины его подсказывал, что и это волшебное действие конечно. Кто – нибудь из нас обязательно скажет заветное слово, которому суждено будет направить разговор, а с ним и настроение в другое русло и вся эта сцена переменится, как меняются узоры в чудесном калейдоскопе при одном легком движении неосторожной руки.

Речь опять зашла о Вагнере.

– Ты скоро увидишь его, – пообещал Сэм. – Он велик и ужасен!

– Почему вы зовете его великим и ужасным? – спросила я потягивая вино.

– Потому что его нет на самом деле, – помахивая бокалом сказал Фридрих. – Есть его вроде как дух и этот дух вытворяет иногда такие коленца, прямо диву даешься!

Я не совсем поняла это и попросила объяснить.

– Он больше не имеет формы, – сказал Сэм. – Он может быть тем, кем захочет.

– И никогда не знаешь наперед, кто или что явится перед тобой, – усмехнулся Фридрих.

—Видишь ли, наш Вагнер большой шутник по части переодеваний. Однажды я пришел к Сэму на бокал чая, и каково же было мое удивление, когда я увидел, как наш Сэм азартно играет в покер с белым новеньким унитазом! Я думал, что он рехнулся, но унитаз весело помахал мне крышкой и пробулькал предложение присоединиться.

– А когда он проиграл из него полились какашки! – хихикнул Сэм, затягиваясь сигарой. Фридрих сдвинул брови и поднес ладонь к губам.

– Не просто полились, они выпрыгивали оттуда как взбесившиеся лягушки! – сказал он.

– Он тогда забрызгал нас, – сказал Сэм и сморщился от смеха. – Закакал все кругом и как всегда отвалил на такси, а мы убирались потом целый вечер.

– Вот такой он наш великий! – Фридрих вздохнул, будто говорил о проказливом, но очень любимом ребенке.

– Он придет сегодня и поможет найти твое желание или твой страх, – сказал Сэм.

На секунду я представила нас всех забрызганных хохочущим унитазом и только потом услышала слова Сэма.

– Но разве желание и страх – одно и то же? – удивилась я.

– Фридрих считает, что да. У него своя теория на этот счет, – сказал Сэм. – И мы, кажется, говорили об этом до того как ты заснула.

И тут меня аж подбросило, я вспомнила весь разговор до, свою беспомощность, глупую и глубокую обиду и звук сердца, перенесший меня в пустоту. Краски сгустились, и комната стала казаться темней, все предметы выделялись четче, а звуки создавали напряжение. Вино показалось мне солоноватым и вязким.

– Это кровь, – пролепетала я, глядя в свой бокал.

– Тогда выпей ее, – спокойно сказал Фридрих, лицо его потемнело, а голубые глаза казались пронзительными и холодными.

– Я не хочу пить кровь! – испугалась я.

– Это вино, просто ты вернулась к состоянию, когда твоя кровь сгустилась, – невозмутимо произнес Сэм. – Ты опять вспомнила свою печаль и обиду.

– Почему ты возвращаешься туда, где тебе было плохо? Почему нельзя остаться в другом месте? – спросил Фридрих.

– Потому что ничего не решено! – вскрикнула я.

– Но что решать, если все стало прошлым! – не унимался Фридрих.

– Оно не отпускает меня, я не могу просто взять все и вычеркнуть!

– Но его можно изменить настоящим, – спокойно вставил Сэм.

Я не знала как это сделать и опять чувствовала смятение и тревогу.

– Мне надоело это прошлое, я устала от воспоминаний. Я хочу как –нибудь прекратить все разом.

Сэм и Фридрих замерли и в недоумении уставились на меня.

– Ты говоришь как потенциальный самоубийца, но не можешь понять самого простого, что и в случае твоего добровольного ухода из жизни твое прошлое никуда не исчезнет. Даже если ты убьешь себя несколько раз, оно все равно будет тянуться за тобой, также как оно тянется за всеми нами. И я, и Фридрих, мы помним его, мы знаем его, но мы его любим каким бы оно ни было. Ведь в нем не было ни плохого, ни хорошего, в нем была только проявленная жизнь, которая всегда имеет великий смысл. Разве ты была бы такой как сейчас, не будь у тебя твоего прошлого. Далекое не каждому удастся просмотреть свои воплощения в течении каких то десяти лет!

– А попасть в нашу компанию это вообще удача! – тряхнул белоснежными кудрями Фридрих.

И тут я встрепенулась.

– Я знаю свое желание, – выпалила я. – Перестать сожалеть!

Наступила пауза.

– Оно не истинно, – проворчал Сэм и потянулся было за своим бокалом, но Фридрих проворно схватил его первым.

– Сэм, исполни его хотя бы для меня! – воскликнул он.

Сэм упрямо крутил головой.

– Но это не оно! – упорствовал он.

– Просто покажи, как будет потом, ну что тебе стоит! – энергично просил Фридрих.

– Пусть станцует, а потом посмотрим, – вдруг сказал Сэм.

Фридрих умоляюще взглянул на меня.

– Сделай так и Сэм исполнит твое желание, даже если оно и не совсем истинно, – сказал он.

Полная решимости покончить с обидами, я слезла с дивана и начала танцевать. Представление началось с движений индийского танца, первое, что пришло мне на ум, потом я почувствовала, что тело само находит новые па из фламенко, арабских и индейских плясок. Этот винегрет движений вызывал в теле необычные вибрации, в ушах стучали индейские бара-

баны и почему то отчетливо слышался лай собак. Потом все внезапно переменялось, откуда – то доносились проникновенные звуки цимбал, которые на короткое время умили мой пыл до мягкости индийского мохини – аттам. А затем опять началась сумбурная свистопляска, и так мелодии и ритмы народов мира сменяли друг друга, и я погружалась в некую музыкально – танцевальную воронку, где сознание остановилось совсем, жило и двигалось только тело, и оно знало как нужно двигаться. Когда танец кончился, я рухнула на диван и залпом выпила свое вино.

– Я восхищен, – после некоторой паузы сказал Фридрих и, наконец, допил свой бокал. Сэм выдавил невнятный звук и затушил дымящуюся сигару.

– Сколько страсти было в твоём намерении, – тихо произнес он. – Все твои образы были совершенны. Теперь я исполню твоё желание, пусть оно и не самое истинное.

Я улыбнулась ему и положила голову на могучее плечо Фридриха.

– Его больше нет, – радостно сказала я. – Обиды больше нет. Я думаю о прошлом и чувствую любовь к нему!

Сэм радостно засмеялся, а Фридрих поцеловал меня в нос.

– Так выпьем же за любовь к прошлому! – торжественно произнес он и снова наполнил бокалы.

Что – то оторвалось от меня в этом странном танце, что – то совсем плохое и ненужное, черный субстрат, который закрывал от меня мое сердце и делал меня глухим к священному голосу судьбы. И эта перемена произошла удивительно быстро, стоило мне только захотеть изменить свою жизнь, но захотеть так, что страх и неуверенность потеряли свою силу перед желанием жить. Сейчас было радостно и тихо, и мы трое сидели окольцованные тишиной, но пребывали в разных мирах. Свободно струилось время. Закрыв глаза, повинувшись приятному звуку больших часов, я уносилась в новое пространство, пока не проявилась в одном странном месте. Передо мной плыли желтые холмы, окутанные нежно – розовой дымкой восходящего солнца. Здесь было все по мертвому спокойным, но спокойствие это вызвало чувство великого одиночества, которое наполняло все мое существо безмолвной силой. И я питалась этой силой и чем розовее становились холмы, тем сильнее восходило во мне ощущение тотального всемогущества и безмерной мудрости. Зрачки недвижимые прежде уловили странную точку, которая подпрыгивая, носилась по извилистой траектории над этими великолепными холмами. Приблизившись, точка оказалась маленькой бабочкой, созданием, склеенным из ворсинок бархата, порхающий кристалл меха, легкое, как дыхание ангелов. Она развенчала каменную маску немой силы, и та осыпалась с меня глиняными черепками, обнажив душу, которая ныла тоской и нестерпимо хотела следовать за бабочкой, но тело не слушалось ее отчаянных порывов. Невидимые оковы держали мою свободу, сила одиночества была сильнее инерции души и не пускала тело идти извилистым путем бабочки. И было ужасно горько от бессилия сделать шаг и осуществить желание, что горечь эта обожгла сердце и оно от боли замерло на миг, и в тишине я задала вопрос «Почему?». Звук шедший из недр холмов влился мне в голову, превратившись в страшный гулкий бас, дал мне ответ «Нет веры». Я судорожно вдохнула и будто тысячи иголок впились мне в грудь, а перед глазами стояло красное марево. Пейзаж остановился, а бабочка замерла в мертвом пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.